

XI

Едва попав на европейский берег, Блаватская была осаждена приглашениями множества лиц, нетерпеливо ждавших ее в Париже и Лондоне. Ее звали со всем их довольно многочисленным штатом индусов и американских теософов, прибывших для свидания с ними, гостить на все готовое; но она задалась одной мыслью: видеться с нами, и ради этого пожелала непременно нанять отдельное помещение, где мы могли бы у нее остановиться. Пока она поселилась в Ницце в вилле большой лондонской аристократки, леди Кэтнесс, герцогини Помар (постоянно живущей в Париже), восторженной поклонницы ее творений и теософического учения, – впрочем, на почве католичества, – впоследствии она была утверждена Оллькотом представительницей одной из парижских ветвей Т[еософического] О[бщества] и поныне состоит ею.

В Ницце, разумеется, оказалось большое общество русских, в числе которых были старые знакомые Е[лены] П[етровны], поспешившие с ней возобновить знакомство. Были в числе их больные, которым полковник Оллькот чрезвычайно помог магнетическими пассажами. Он очень сильный магнетизер. Газеты быстро разнесли молву о его «исцелениях», о феноменах чтения мыслей, передвижений и музыкальных аккордов, всегда сопровождавших Е.П.Б[лаватскую], и не стало им еще более покоя от зазываний в гости из всех городов Западной Европы. Без сомнения, эти зазывания более мотивировались пустым любопытством, нежели чисто научным интересом в учении. Блаватская это прекрасно понимала и очень этим тяготилась; она охотно отказалась бы раз навсегда производить какие бы то ни было «psychological tricks» (психологические фокусы), как она сама постоянно ат[т]естовала все эти проявления неведомых сил, если б к несчастью Оллькот не настаивал, что «феномены» необходимы для престижа, а множество любопытных не осаждали ее мольбами их проявлять¹.

Вначале Блаватская думала провести лишь несколько месяцев на юге Европы, и вот одно из циркулярных писем ее, в которых она должна была ежедневно отказываться от призывов в Лондон:

«Получив милые, радушные приглашения (таких и таки-то и других), я глубоко тронута этими доказательствами желанья видеть и познакомиться с моей недостойной такого внимания особой старых и новых знакомых в Англии. Но я не вижу возможности бороться с судьбой: я больна и чувствую себя гораздо хуже, чем в Бомбее, а тем более на море. В Марселе я пролежала целый день и теперь лежу, чувствуя, что готова распасться в куски, как старый морской сухарь... Все, что я надеюсь быть в состоянии сделать, это, подклеив кое-как медикаментами и силой воли мою увесистую особу, перетащить эту развалину в Париж... Да и какая польза в моем переезде в Лондон? Чем могу я быть вам полезной среди ваших туманов, перемешанных со зловредными испарениями “высшей цивилизации”?.. Я оставила Мадрас à mon corps défendant². Я не хотела ехать, если б меня не заставили решиться болезнь моя и приказание “учителя”... Я чувствую себя и больной, и злой, и несчастной, и радостно бы вернулась в Адиар, если б могла... Lady Caithness – воплощение доброты! Она делает все, что возможно, чтобы покоить и ублажать меня. Я должна здесь выждать установления погоды; пройдут Мартовские ветры и я перееду в Париж для свидания с делегатами (ветвей европейских Т[еософических] Об[ществ]); но боюсь, что это будет мне мучением!.. Ну годна ли я для таких цивилизованных созданий, как вы все?.. Да я в семь минут с четвертью стала бы невыносима для вас, англичан, если б перевезла свою огромную уродливую личность в Лондон. Уверяю вас, что расстояние мне придает красу, которую я быстро утратила бы вблизи... Ну могла ли бы я равнодушно слушать рассуждения о том, что

¹ Меня в последствии свое мнение или просто не имея мужества поддерживать свои показания вопреки общественному мнению, эти любопытствующие провозвестники «чудес» Е.П.Б[лаватской] более всех ей вредили, часто становясь ее злейшими врагами par dépit <в отместку, фр.>, из-за того что она не могла (они утверждали, что она не хотела) передать им своих знаний или их «обогащать чрез Махатм», как многие того добивались. Не добившись, они делали volte-face <резкую перемену, фр.> – и начинали устно и печатно заявлять, что она обманщица... – Примечание В.П.Желиховской.

² ценой собственной жизни (фр.).

Санкарачариа (санскритский ученый)³ был теист, что Субба Роу⁴ не знает сам, чему учит? Или еще более поразительные суждения о Радж-Йогах, искалечения учений буддизма и адвайтизма, даже в их экзотерическом (популярном) смысле?.. Да у меня бы непременно от всех этих испытаний лопнул бы кровяной сосуд... Дайте мне спокойно умереть, если уж не суждено мне возвратиться к родным ларам и пенатам, в милый мне Адиар».

Нам в Одессу она писала ежедневные умоляющие письма, призывая нас на «это последнее с ней свидание на земле», как она предполагала со всюю страстностью, которую она влагала во все свои чувства и в особенности в родственные детские привязанности.

«Милая ты моя, родная, не хлопочи о деньгах! Что деньги? – ну их! Они будут! – писала она мне. – Вон Катков бомбардирует меня телеграммами; переслали мне из Мадраса одну сюда почтой – 29 слов! Должно быть, франков 500 ему обошлась. А когда я отсюда ему отвечала, то и другую сюда прислал: статей моих требует! Должно быть нужны они ему, что так тратится... Вот и будут деньги!.. Это все великолепно-льстивые статьи обо мне в здешних газетах, в *Pall Mall*⁵ и других, верно, его разохотили. Расхваливают уж больно меня; невзирая на мою несуразную, непрезентабельную фигуру с распухшими больными ногами, я делаюсь à la mode⁶. От репортеров всесветных просто покою нет!..

Хоть для курьезу приезжайте поглядеть, как меня, словно идола, возвеличивают. Как, невзирая на мои слезные протесты, герцогини, графини⁷ да альбионские миледи руки мне целуют; называют меня своей “спасительницей”, исторгшей их из бездны материализма⁸, неверия и отчаяния (*sic!*). Сами увидите, как со мною здесь носятся... Побываете же вы хоть на одном митинге – в *séance philosophique de la Société Théosophique d’Orient et d’Occident*⁹, в царских залах герцогини де Помар. На этих заседаниях *l’élite de la société et de l’intelligence*¹⁰ Парижа: Ренан, Фламарион, Mme Адам¹¹ и множество знати из Сен-Жерменского предместья... Да Бог с ними со всеми, – кончала она свое письмо, – только не передумайте приехать, ради Бога! Не убейте меня! Доставьте мне это величайшее, единственное счастье в конце моей жизни. Жду, жду, жду вас, мои родные, с нетерпением, о котором вы обе и понятия не имеете!»

«Я убежала от всесветных друзей и репортеров и мучителей-любопытствующих из Парижа на несколько дней в Enghien, в villa Zontag, к своим друзьям (действительным, – а не феноменов ради, – чтоб им пусто было!) графу и графине d’Adhémar¹², – писала она в самом начале Мая. –

³ Шанкарачарья (788–820) – индийский мыслитель, ведущий представитель Веданты, религиозный реформатор, на основе Упанишад создал последовательную монистическую систему – адвайту-веданту.

⁴ Субба Роу (1856–1890) – индийский юрист, философ, член Теософского общества (1882–1888).

⁵ 21 и 26 апреля 1884 года в газете «*Pall Mall Gazette*» (Лондон) были опубликованы статьи «Сегодняшний чудотворец» и «Подробнее о теософах: интервью с мадам Блаватской».

⁶ модной (*фр.*).

⁷ Далее зачеркнуто: *маркизы*.

⁸ Далее зачеркнуто: *и*.

⁹ философском заседании Теософского общества Востока и Запада (*фр.*).

¹⁰ элита общества и интеллекта (*фр.*).

¹¹ Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892) – французский философ, историк религии, писатель.

Фламарион Камиль (1842–1925) – французский астроном, писатель, член Теософского общества.

Адам Жюльетта (1836–1936) – французская писательница, основательница и издательница журнала «*La Nouvelle Revue*» (1878–1899).

¹² Впоследствии граф[иня] Адемар издавала в Париже Теос[офический] журнал: «*Revue Théosophique. Rédacteur en chef H.P. Blavatsky. Directrice: Comtesse Gaston d’Adhémar**». Это та самая граф[иня] Адемар, о которой г[осподин] Соловьев в статье, где он подымает на смех сестру мою (*Русск[ий] Вестник*, Февраль 1892 г.) говорит, что она и муж ее не были причастны к *Т[еософическому] Об[ществу]*^{Lucifer}. Вот отрывок из письма ее после смерти Е.П.Б[лаватской] к Мру Джёджу, которым она напоминает ему о времени, проведенном ими в Enghien (*Lucifer*, July, 1891).

«...Помните тот удивительный вечер, когда Н.Р.В[lavatsky], погруженная в задумчивость, вдруг встала, подошла к открытому окну и властным жестом, подняв руку, вызвала тихую музыку? Как эта чудная, сладостная музыка будто летела к нам издали все ближе, все громче по воздуху и вдруг прозвучала аккордом в самой гостиной, где все мы сидели... Помните вы, как индус Mohini** тогда бросился к ногам ее и поцеловал полу ее платья?.. Неправда ли, что это было движение весьма понятное? Именно такое, каким должен был выразиться восторг, который все мы чувствовали к удивительному созданию, чью потерю мы никогда не перестанем оплакивать...» Так-то легкомысленно г[осподин] Соловьев относится к своим печатным <Далее зачеркнуто: *свои*> показаниям. – *Примечание В.П.Желиховской.*

* Главный редактор Е.П.Блаватская. Директриса: графиня д’Адемар (*фр.*).

Здесь у меня целая анфилада комнат к моим и к вашим услугам. Хотите, будем жить в Париже, а сюда приедем на несколько дней. Графиня премилая, уж и комнаты вам приготовила и спрашивает, чтоб мы у нее пожили в гостях. Ведь это в четверти часа от Парижа, за St. Denis¹³, и станция почти у ворот замка. Стеснить их не бойтесь: помещение огромное, и она миллионерка-американка нецеремонная, славная такая. Да и муж ее хоть большой аристократ, легитимист¹⁴ завзятый, но в обращении – сама простота!»

Однако мы отвечали все-таки, что предпочитаем гостить у нее в ее парижском скромном помещении, а не у ее аристократических друзей.

В середине Мая я и меньшая сестра нашей матери, Н.А.Фадеева, приехали в Париж; мы нашли Елену Петровну водворенной в пяти комнатах, – из которых лучшую она отдала нам, – в улице Notre Dame des Champs, где мы и прожили с ней шесть недель.

Эти шесть недель ярко выделяются в моей жизни, переполненные впечатлениями будто другого, сказочного мира. Помимо феноменов, – о которых я не стану говорить подробно теперь, но которые тогда все же не могли не поражать нас своеобразием своим, совершенно отличавшимся от прежних медиумистических, произвольных явлений, в былые годы окружавших сестру, – мы были оглушены и ослеплены массой народа, людей из высших классов общества и высших сфер интеллигенции Парижа, окружавших ее с утра до вечера, превозносивших и поклонявшихся ей до такой преувеличенной несдержанности, что множество высокопоставленных женщин смаху бросались ей целовать руки (буквально!), а всевозможные местные и приезжие ученые, доктора и литераторы стремились перед ней чуть что не расprostираться на полу, как это *в действительности* делали индусы, приехавшие с ней. В числе самых частых посетителей, осаждавших скромное appartement rue Notre Dame des Champs¹⁵, находились несколько русских: писатель Всеволод Сергеевич Соловьев, которого Оллькот лечил магнетизмом, являлся каждый день, князь Леонид Дмитр[иевич] Урусов¹⁶, графини Бутурлина и Батовская, фрейлина У.Н.Глинка¹⁷, князь Абамеликов и несколько других. Тут мы убедились, что Елена ничего не преувеличивала, когда писала нам в Одессу, моля к ней приехать «хоть для того, чтоб подивиться, как с нею нячатся и ее превозносят»... Разумеется, мы, ее кровные, более всех ее любили и готовы были ей воздавать должное и прощать всякие недостатки ее характера; но мы положительно оказывались самыми взыскательными и строгими и наименее доверявшими ей, чем все остальные, готовые в то время ей приписать непогрешимость папы и всемогущество волшебницы.

Многие и здесь считали ее не только пифией всезнающей, но и чародейкой-сотворительницей осязаемых вещественных предметов – легкоеверие, которому много способствовали рассказы Оллькота и приехавших из Америки Джджа, миссис Дидсон и

** Чаттерджи Мохини (1858–1936) – индийский адвокат, член Теософского общества, из которого вышел в 1887 году.

Д'Адемар Гастон – издательница журнала «Revue Théosophique».

¹³ Сен-Дени (Saint-Denis) – пригород Парижа.

¹⁴ Стронник монархии.

¹⁵ жилище на улице Notre Dame des Champs (*фр.*).

¹⁶ Урусов Леонид Дмитриевич (1837–1885) – действительный статский советник, камергер, тульский вице-губернатор, друг Л.Н.Толстого и И.С.Тургенева. Л.Н.Толстой записал в дневнике 4/16 мая 1884 года о получении «письма от Урусова о Блаватской*» (*Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 49. М., 1952. С. 90*), в котором было сказано несколько слов о Елене Петровне: «Сюда приехала из Индии одна Блаватская*, которую знал Минаев**, она пропагандирует здесь новую Религию***, возрожденный буддизм с разными фокусами и чудесами. Поеду посмотреть на нее» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 2, №193/29-17).

* Так в тексте.

** Минаев Иван Павлович (1840–1890) – востоковед, буддолог, основатель русской индологической школы, профессор Петербургского университета. Совершил три путешествия (1874–1875, 1880, 1885–1886), во время которых посетил Индию, Цейлон, Бирму и Непал.

*** Л.Д.Урусов поделился с Л.Н.Толстым сплетнями: Теософское общество, созданное Е.П.Блаватской, ставило перед собой чисто научные задачи: сравнительное изучение религий, философий и наук, исследование необъясненных законов природы и скрытых сил человека. В обществе отсутствовали признаки религиозной организации: вероисповедание, совершение богослужений и других религиозных обрядов и церемоний, обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

¹⁷ Глинка Юстина Дмитриевна (1844–1918) – фрейлина, дочь дипломата Д.Г.Глинки.

Holloway¹⁸; опровергать же их не позволяли такие ярые и слепые поклонники ее, как некая Mme de Morsier¹⁹ или Вс. С.Соловьев²⁰, с которым у меня, всегда отвергавшей возможность таких чудотворений, были по этому поводу нескончаемые препирательства и споры. Другое дело феномены духа: проникновение мыслей, чтение на расстоянии не имевшихся книг, видения того, что творилось в данную минуту за тысячи верст. Такого рода проявления психических сил Е[лены] П[етровны] я видывала сотни раз, и хотя бы тысячи прежних ее прославителей, изменивших мнения вследствие несбывшихся надежд или расчетов, *изобличали меня же во лжи*, – я всегда буду верить их действительности и подтверждать ее.

Как бы то ни было, все громадное общество, в то время²¹ наблюдавшее и жадно следившее за²² Е.П.Б[латовской], замечало, что она как бы читает в мыслях приближавшихся к ней, очень часто отвечая на еще не высказанные вопросы или заговаривая с совершенно ей незнакомыми лицами именно о том предмете, который их занимал. Я спрашивала ее не раз: как это делается? *Видит* она мысли, как в то время производившие фурор в Лондоне мыслевидцы Юэн и Кёмберланд²³? Или догадывается по выражению лиц?.. Она смеялась, отвечая, что по выражению лица догадаться можно, только очень близко зная человека; Кёмберланд и Юэн (американец, давний член Т[еософического] Об[щества]), оба, долго всматриваются в лица, прося свои субъекты как можно сильнее сосредоточиваться на помыслах об одном предмете – непременно существенном (отвлеченных помыслов они определять не могли), – она же говорит *par intuition*²⁴... Сама не знает, как это делается: она ничего не видит. *Покажется* ей, что человек думает то-то или сейчас спросит о том-то, она и скажет и заговорит о самых отвлеченных, иногда и совсем не относящихся к данному моменту или обстоятельствам предметах, – и оказывается, что говорит она *верно*.

Раз у нее было много посетителей, шел общий оживленный разговор, когда она вдруг обратилась к²⁵ только что приехавшему, еще не промолвившему ни слова²⁶ Вс. С.Соловьеву и сказала:

– Вы напрасно об этом думаете: *это так скоро не возможно!*.. Сколько людей добиваются видеть *их* годами преданнейшей службы делу и с трудом достигают цели всей жизни.

Оказалось, что этот господин всю ночь мечтал удостоиться посещения с высоты Гималаев одного из таинственных покровителей Теософов, Махатмы, в его астральном теле. Он даже именно приехал с тем, чтоб спросить (разумеется, наедине) Елену Петровну о том, когда ему можно надеяться на такой «почетный визит»?

Такие детские надежды и самонадеянные отношения к теософическим возможностям и задачам часто смешали нас со стороны вновь поступавших членов.

Что легкомысленные французы были способны на такие самообольщения, нас не удивляло, но немножко обидно было в этом отношении за своих соотечественников, которые то и дело прибегали к сестре за «секретными аудиенциями» с такими же или им подобными

¹⁸ Холлоуэй Лора Картер (1848–1930) – американская журналистка и писательница, в 1884 году проживала в Европе в качестве ученицы Махатм, но не выдержала испытаний и вернулась в Америку.

¹⁹ Морсье Эмили (1843–1896) – деятель французского феминистского движения, филантропка, секретарь парижской секции Теософского общества, в 1886 году приняла участие в клеветнической кампании Вс. Соловьева против Е.П.Блаватской.

²⁰ Зная, что оба эти лица из восторженнейших друзей обратились в ярых врагов сестры моей, я из деликатности совершенно обошла их имена в первой биографии ее – в журн[але] «Русское Обозрение». Но к удивлению моему, прочтя в Февральской книге «Русского Вестника» заявление г[осподина] Соловьева, что он изумлен, почему я умолчала о знакомстве его с Е.П.Б[латовской], – я считаю себя не только вправе, но даже обязанной говорить о нем в числе других очевидцев, ссылаясь и на свидетельства его писем, в том лишь, разумеется, что касается его отношений к общественной деятельности Блаватской и его своевременных мнений о ней. – *Примечание В.П.Желиховской.*

²¹ Далее зачеркнуто: *ее*.

²² Далее зачеркнуто: *нею*.

²³ Камберленд Стюарт (1857–1922) – английский менталист, известен своими демонстрациями «чтения мыслей».

²⁴ интуитивно (*фр.*).

²⁵ Далее зачеркнуто: *одному*.

²⁶ Далее зачеркнуто: *посетителю*.

невыполнимыми просьбами. Е[лена] П[етровна] часто недоумевала и печалилась, поверяя нам свои затруднения.

«Просто не знаю, что и делать с Соловьевым! – жаловалась она мне и Н.А.Фадеевой. – Не дает покою, вымаливая научить его *делать феномены*... Да разве ж этому можно научить? Сегодня пристал: “Как это вы звуки бросаете?..” “А я почему знаю?” – говорю. Махну рукой и откликаются аккорды... Пускай пройдет чрез все, что я прошла, – может и научится. А разве возможно так, кто пожелает, тому и передать силу и способность!.. Уверяет, что я Оллькота научила, – а я и не думала! Оллькот ничего такого не делает, а сам по себе прирожденный магнетизер и магнетизмом многих вылечил – вот и все».

Это говорила нам сестра 20 Мая²⁷, когда мы ехали на большой обед для нее и Оллькота у герцогини Помар. Накануне вечером у нас было множество народа, профессоров и всяких ученых; Оллькот рассказывал по обыкновению жадной аудитории о чудесах в Америке и Индии, а из четвертой комнаты, где жила Е[лена] П[етровна], при каждом мановении руки ее в ту сторону раздавались гармонические аккорды как бы арфы или другого струнного инструмента. Все туда ходили, чтоб удостовериться, нет ли там кого? И все убеждались, что две комнаты по коридору²⁸, дверь которого была открыта в гостиную, где мы сидели, и третья на конце его, именно спальная хозяйки нашей, были совершенно пусты и никаких музыкальных инструментов в них не было.

Этот вечер вероятно и разохотил г[осподина] Соловьева добиваться узнать тайну собственно этих звуков. Ему вообще, как видно, желалось вернуться в Россию чем-то вроде его русского князя «Великого Магистра Массонского Ордена» в романе²⁹ «Волхвы»³⁰.

Сама я впервые услышала эти удивительные звуки при следующих обстоятельствах.

На второй или третий день приезда нашего в Париж мы по обыкновению сидели вечером в маленькой гостиной нашей в обществе нескольких посетителей; между ними был профессор, доктор философии Рено Тюрман, который стал рассказывать нам, какие интересные звуковые феномены он слышал на спиритическом *темном* сеансе. Е[лена] П[етровна], ни за что не хотевшая, чтоб я ехала на такие сеансы известного медиума Mme Babelin, где бывали ненавидимые ею материализации, – пожалала презрительно плечами, сказав:

– При чем же тут темнота?.. Где нет обмана, – нечего бояться света!

И сказав это, она, положив одну руку, державшую карты, которыми она раскладывала пасьянс, на стол, прибавила:

– Слушайте!

И властно махнула свободной рукой в дальний угол.

В ту же секунду оттуда вылетел звучный аккорд. Мы в первую минуту ничего не поняли... Но когда сестра махнула, словно бросая что-то, в другую сторону с таким же результатом, а потом протянула³¹ руку прямо над головами нашими к люстре, и в третий раз из каждого рожка ее словно вырвались ответные, на <...>³².

<...> [про]поведники теософизма вообще и буддизма в частности говорили на этих заседаниях более или менее красноречиво; Блаватская редко возвышала голос, иначе как отвечая на прямые научные вопросы, но когда она благоволила говорить, то все смолкало³³ в благоговейном внимании.

Местных ораторов тогда еще не оказывалось... Вообще о Теософическом Обществе не только по тогдашнему капельному началу его в Париже, но даже и в настоящем его парижском составе восемь лет спустя нельзя судить. В Париже собственно и теперь нет Об^{[шест]ва}, а есть только незначительные его отпрыски, расколы его, постоянно и между собой и с «la branche

²⁷ Все сведения, которые я передаю от себя лично, взяты мной из дневников, которые я вела своевременно. – Примечание В.П.Желиховской.

²⁸ коридору (*фр. corridor*).

²⁹ Далее зачеркнуто: *его*.

³⁰ Речь идет о главном герое романа Вс. Соловьева «Волхвы» (1888) князе Захарьеве-Овинове, обладавшем сверхъестественными способностями.

³¹ Далее зачеркнуто: *ее*.

³² Далее одна страница рукописи отсутствует.

³³ Далее зачеркнуто: *бла*.

mère»³⁴ в Индии и Англии враждующие. Как невозможно судить о творениях Блаватской и теософической литературе³⁵ правильно не зная английского языка, так нельзя знать и Общественного, основанного ею, не побывав в Америке, Индии или, по крайней мере, в Лондоне. Только в этих трех странах оно вполне солидарно; в других же местах лишь своеобразные его отпрыски. Самое худшее понятие об учении и деле Е.П.Б[лаватской] без сомнения дают ветви Парижские³⁶, из которых одна (*d'Orient et d'Occident*) тянет к³⁷ папизму, а другая (*l'Isis*) тяготеет к буддизму. Первое же правило, которого всегда держалась сестра моя, полное безразличие в отношении вероисповеданий, самая широкая терпимость в личных верованиях, что явствует из самого девиза, данного ею Т[еософическому] Обществу: «Нет религии превыше истины».

Во время пребывания нашего в Париже разыгралась смешная история, возбужденная против Е.П.Блаватской соотечественницей, фрейлиной Смирновой³⁸, кажется там постоянно проживающей. В пылу негодования против «буддистской пропаганды» (к несчастью,³⁹ теософизм многие и поныне смешивают с буддизмом) эта престарелая девица увлеклась до обвинения Блаватской во множестве преступлений, не исключая воровства: она утверждала, что Е.П.Б[лаватскую] выслали из Тифлиса за воровство... Я с У.Н.Глинкой ездила к этой особе за объяснениями, чтоб узнать, откуда она почерпнула такие удивительные сведения?.. Она, желая оправдаться без последствий, сбросила ответственность за свою клевету на двоих умерших: бывшего франц[узского] консула в Тифлисе, милого и добрейшего человека, к тому же хорошего моего знакомого, – барона Фино⁴⁰, совершенно на это не способного, и на княгиню Варвару Ильинишну Орбелияни⁴¹. В этом случае она еще неудачнее попала, так как княгиню я знала близко, была даже в переписке с ней до самой ее кончины и достоверно знала, что эта женщина не только не была способна лгать или злословить, но скорее погрешила бы желанием оправдать и скрыть все дурное в каждом человеке, не только в моей сестре...

Разумеется, я тут же изобличила ее неправду. Но дело тем не кончилось. Сестра моя вновь прибегла к содействию князя А.М.Дондукова-Корсакова, бывшего тогда Главноначальствующим на Кавказе, и он тотчас ей прислал полицейское свидетельство, гласившее, что никогда она не состояла ни «под судом», как утверждала Смирнова, ни даже «в подозрении воровства»...

Мы много смеялись этой глупой истории; но на здоровье Елены Плетровны все подобные, даже не стоящие внимания передраги действовали разрушительно, повергая ее в отчаяние и тревогу несказанные.

Отъезд наш из Парижа последовал в один и тот же день и ознаменовался замечательным происшествием.⁴² Сестра выезжала двумя часами раньше нас, и мы с многочисленным обществом отправились провожать ее на Gare du Nord⁴³. Она была совсем больна, еле передвигала опухшие, страшно болевшие ноги. Вероятно, не мне одной приходили в голову сердитые мысли о том, что могли бы ее всемогущие Махатмы (если бы действительно были так добры и могущественны, как

³⁴ «родительской ветвью» (фр.).

³⁵ Ни одно из сочинений Е.П.Блаватской (*Isis Unveiled; Secret Doctrine*, 3 тома; *Key to Theosophy; Gems from the East; Voice of the Silence; Glossary** и множество статей в ее месячном журнале «Lucifer» и др. журнал[ах]) вполне не переведено на другие языки. Из повременных же изданий девять десятых Теософической литературы выходят на английском языке. – *Примечание В.П.Желиховской.*

* «Разоблаченная Изида», «Тайная Доктрина», «Ключ к теософии», «Жемчужины Востока», «Голос Безмолвия», «[Теософский] словарь» (англ.).

³⁶ Из этого факта вполне понятны ошибки и неверные сведения в статье г[осподина] Соловьева в *Русск[ом] Вестнике*; он только и знал Т[еософическое] Общество по его парижскому расколу, а английского языка совсем не знает, по его собственному заявлению. – *Примечание В.П.Желиховской.*

³⁷ Далее зачеркнуто: *кат.*

³⁸ Речь идет о клевете, развязанной против Е.П.Блаватской в Париже в 1884 году фрейлиной О.Н.Смирновой (1834–1893), см.: Письмо Е.П.Блаватской А.М.Дондукову-Корсакову от 3 июня 1884 г. // <https://art-goerich.org.ua/?q=blavatskaaya/articles.html>; Материалы о клевете фрейлины О.Н.Смирновой // *Блаватская Е.П.* Статьи в русской прессе. Донецк, 2013. С. 287–289; *Блаватская Е.П.* Письма к друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 404–408.

³⁹ Далее зачеркнуто: *Французский.*

⁴⁰ Фино Антуан Бернар Адольф (1821–1887) – французский дипломат.

⁴¹ Орбелияни Варвара Ильинична (1831–1884) – фрейлина российской императрицы.

⁴² Далее зачеркнуто: *Она.*

⁴³ Гар-дю-Нор (фр.) – Северный вокзал в Париже.

расписывают их приверженцы!) помочь ей, хоть сколько-нибудь облегчив ее болезнь ради переезда, ей предстоявшего, и горя разлуки с нами. Она как всегда заступалась, утверждая, что несмотря на то, что они считают невозможным облегчать людские страдания, ибо в них законная карма (воздаяние) каждого, но что все же ее «хозяин» не раз помогал ей и даже спасал ее от смертельных недугов.

Я шла, поддерживая ее под руку, к платформе, как вдруг она выпрямилась, оглянулась на свое плечо и, остановившись, вскричала:

– Что это?.. Кто меня тронул за плечо?.. Ты видала руку?

Никто никакой руки не видал, и все мы переглянулись в удивлении; но до чего возросло удивление наше, когда Елена Петровна вдруг улыбнулась, устранила мою руку и бодро, твердо пошла вперед, так как я никогда теперь не видывала, чтоб она ходила.

– Вот! – сказала она. – Это тебе ответ, Вера! Ты обвиняешь их, что они не хотят мне помочь!.. А я сейчас видала руку «хозяина», и вот теперь смотрите, как я хожу!

И в самом деле, она быстро и легко ходила все время; хотя ей пришлось менять вагоны два раза, она сама без труда влезала по неудобным ступеням и уверяла, что боль совершенно прошла и что физически она давно так хорошо себя не чувствовала.

Что мы, расставаясь с Еленой, такой больной и огорченной, думая, что, быть может, прощаемся с ней навек, плакали – это не диво! Но чего рыдали все эти дамы-теософистки, целуя ей руки и толкаясь в вагоне, когда ей хотелось последние минуты провести с нами? Я не понимала! Не понимаю и теперь, как можно доходить до такой нервной распушенности, но в последовавших свиданиях своих с сестрой я имела случаи убедиться, что не одни француженки, и даже не женщины одни, расточали ей слезы, вздохи и поцелуи... до первой клеветы, заставлявшей многих из них делать *volte-face* и обращаться из друзей в непримиримых противников, – как-то сделала г[оспо]жа де Морсье и г[осподин] Вс. Соловьев, не поехавший провожать сестры моей, «чтоб не разреветься, как бабе».

Такова была странная судьба Е.П.Блаватской! Ее большинство или ненавидело, или обожало. Оттого-то и видала она так мало справедливой оценки себе при жизни, да и по смерти мало видит справедливости.